

В.Н. Назаров

Возможна ли «метафизика пороков» в этике Аристотеля?

Назаров Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии. Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. Российская Федерация, 300026, Тула, пр. Ленина, 125; e-mail: sophiya@yandex.ru

Главный тезис данного рассуждения, построенного в виде средневекового университетского диспута, сводится к доказательству того, что этика Аристотеля включает в себя «метафизику пороков». Вначале приводятся три возражения против этого тезиса. Первое заключается в том, что, согласно Аристотелю, «порочность уничтожает принцип», определяющий метафизическое основание поступка. Второе – что Аристотель описывает порочность со стороны психологических и антропологических отклонений, и это предполагает скорее антропологию, чем «метафизику пороков». И, наконец, третье возражение связано с отсутствием в этике Аристотеля «метафизики зла» как сущностного первоначала наравне с добром. Затем приводится противоречащее положение, свидетельствующее о сущностной взаимосвязи пороков и добродетелей: коль скоро добродетели, совершаемые на основании принципов, соотносятся с метафизическими ценностями (высшим благом, стремлением к прекрасному и др.), то и пороки должны иметь определенное метафизическое основание. В противном случае мы будем иметь «раздвоенную» этику, состоящую из «метафизики добродетелей» и «антропологии пороков», что противоречит целостности этической доктрины Аристотеля. После этого дается сам ответ (*respondeo*), суть которого в том, что метафизический принцип этики заключается не в обосновании природы и источника негативных ценностей (пороков), а в возможности их сознательного выбора и свободного предпочтения. Это означает, что нравственные ценности (добродетели и пороки) сущностно связаны со свободой воли. Метафизический принцип заключается здесь в том, что «личность не просто обременена добродетелью или пороком» (Н. Гартман), но является субъектом волеизъявления, предполагающего свободный выбор того или другого, в том числе сознательное нарушение и отвержение принципа высшего блага. В заключение приводятся ответы на возражения.

Ключевые слова: метафизика нравов, «триада» порочных нравов, метафизика пороков, антропология пороков, метафизика зла, принцип порочности, метафизика должностования, выбор пороков

В рассуждении А.А. Санженаква проводится мысль, что «что *энергия* наряду с сущностью, может выступать одним из базовых метафизических понятий, которые значительным образом определили ряд положений этики Аристотеля»¹.

¹ Санженак А.А. Метафизика Аристотеля как основа его этики // Наст. изд. С. 73.

При этом «energeia души» как самодостаточная ценность, «имеющая начало и конец в самой себе», соотносится с добродетелью, поскольку добродетельные поступки совершаются не ради внешних результатов и целей, но ради них самих. Значит ли это, что в рамках этики Аристотеля мы можем говорить только об «energeia добродетели», но не об «energeia порока», так как, согласно Аристотелю, «порочность уничтожает принцип» как самоценность и самоцель поступка (EN 1140b 16–20)? Но как быть тогда с аристотелевским определением порока распушенности, совершаемого «по сознательному выбору и не ради чего-то другого, а ради него самого» (EN 1150a 19–22). И не приведет ли это к раздвоению этики Аристотеля на «метафизику добродетелей» и «прагматику пороков»? Ответ на этот вопрос представляется нам столь противоречивым, что мы сочли возможным воспользоваться логической схемой средневекового университетского диспута, который, на наш взгляд, идеально подходит к данной дискуссии.

Итак, возможна ли «метафизика пороков» в этике Аристотеля, если исходить из посылки «energeia» как метафизической основы его этики?

Возражение 1. Кажется, что метафизика пороков невозможна. Дело в том, что Аристотель отказывает порочным поступкам (в отличие от добродетельных) в их совершении на основании принципа, то есть в их согласии и взаимосвязи с метафизическими ценностями (высшее благо, прекрасное и др.), которые побуждают совершать поступки не ради внешних результатов, а ради них самих. Согласно Аристотелю, «принципы поступков (αἱ ἀρχαὶ τῶν πρακτῶν) – это то, ради чего они совершаются, но для того, кто из-за удовольствия или страдания развращен, принцип немедленно теряет очевидность». Соответственно, «всякий выбор и поступок надо делать ради этого принципа и из-за него. Действительно, порочность уничтожает [именно] принцип»².

Возражение 2. Аристотель относит пороки к «дурному складу души» (наряду с невоздержностью и зверством). «Существует три вида такого, – пишет он, – чего избегают в нравах: порок, невоздержность, зверство (kakia, akrasia, thēriotēs)»³. При этом он описывает дурные нравы со стороны их психологических и антропологических отклонений. Так, невоздержный склад души он рассматривает со стороны влияния страстей, а звероподобный склад – как следствие болезней.

Именно психологические и антропологические характеристики пороков в наибольшей степени соответствуют их природе, что может способствовать их успешному преодолению. Как заметил в этой связи в «Метафизике нравов» И. Кант: «...в самом деле, какое же мы можем составить убедительное, обладающее геркулесовой силой понятие для преодоления порождающих пороки склонностей, если этика должна брать себе оружие из арсенала метафизики?»⁴.

Действительно, если воспитание добродетелей вполне может быть основано на метафизическом принципе высшего блага и «стремления к прекрасному»⁵, то преодоление пороков должно основываться на методе антропологической прагматики.

² Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 177.

³ Там же. С. 191. Следует иметь в виду, что «порок» и «зло» («злоба») обозначались в древнегреческом языке одним и тем же термином – kakia.

⁴ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 415.

⁵ См.: Аристотель. Большая этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. С. 316, 317.

Следовательно, правильнее было бы говорить не о «метафизике пороков», а об «антропологии пороков» в этике Аристотеля.

Возражение 3. Метафизическое обоснование пороков невозможно, поскольку в этическом учении Аристотеля отсутствует сама идея метафизики зла, то есть Аристотель не допускает зло как сущностное первоначало наряду с добром. Действительно, как показал Фома Аквинский, ссылаясь на «Философа», нет никакого единого первоначала зла в том смысле, в каком есть единое первоначало блага.

Во-первых, потому что первоначало блага есть сущностное благо. Но ничто не может быть сущностным злом. Ибо все сущее – в той мере, в какой оно сущее, – есть благо, и зло может существовать только в благом как в своем субъекте.

Во-вторых, не может быть никакого высшего зла; ведь хотя зло и умаляет благо, однако полностью никогда его не уничтожает; и благо, следовательно, пребывает всегда, и ничто не может быть полностью и совершенным образом злым. «Потому-то Философ и говорит, что “целокупное злое уничтожило бы самое себя” и что с уничтожением всякого блага (а это необходимо для осуществления целокупности зла) уничтожилось бы и само зло, ибо субъект зла – благо» (STh. I, q. 49, a. 3).

Этому противоречит то, что порок является избытком или недостатком добродетели (как середины страсти или поступка) и, следовательно, неразрывно и сущностно связан с нею. А коль скоро добродетели, совершаемые на основании принципов, соотносятся с метафизическими ценностями (высшим благом), то и пороки должны иметь определенные метафизические основания. В противном случае мы будем иметь «раздвоенную» этику, состоящую из двух частей: «метафизики добродетелей» и «антропологии пороков», что противоречит целостности этической доктрины Аристотеля.

Кроме того, как показал Кант, если относительно какого-то предмета существует философия (система познания разумом из понятий), к каковому можно отнести понятия добра и зла, то для этой философии должна также существовать система чистых, независимых от всяких условий созерцания понятий разума, т. е. некая метафизика. В этом смысле ни один моральный принцип (будь то принцип добра или зла) не может основываться исключительно на каком-либо чувстве, но есть не что иное, «как смутно представляемая метафизика», заложенная от природы в разуме каждого человека⁶. Эти рассуждения Канта вполне могут быть отнесены к предмету зла и вытекающим из него порокам.

Respondeo (Отвечаю): Метафизический принцип этики заключается не в обосновании природы и источника негативных ценностей (пороков), а в возможности их сознательного выбора и свободного предпочтения. Как пишет Аристотель, «добродетель, как и порочность, зависит от нас. И в чем мы властны совершать поступки, в том – и не совершать поступков, и в чем [от нас зависит] “нет”, в том – и “да”. Следовательно, если от нас зависит совершать поступок, когда он прекрасен, то от нас же – не совершать его, когда он постыден; и если не совершать поступок, когда он прекрасен, зависит от нас, то от нас же – совершать, когда он постыден»⁷.

⁶ Кант И. Метафизика нравов. С. 415–416.

⁷ Аристотель. Никомахова этика. С. 105.

Как комментирует это положение Фома Аквинский, человек «действует на основании свободного решения и сохраняет способность склоняться к различным вещам. В самом деле, разум, когда речь идет о вещах возможных, может выбирать из противоположностей» (STh. I, q. 83, a. 1).

Это значит, что нравственные ценности (добродетели и пороки) сущностно связаны со свободой воли. Метафизический принцип заключается здесь в том, что «личность не просто обременена ценностью (или неценностью)» (Н. Гартман)⁸, но является субъектом свободного волеизъявления, предполагающего нарушение или отвержение принципа. Аристотелевское положение – «порочность уничтожает принцип» – фактически и есть это нарушение или отвержение принципа.

Кроме того, свободный выбор предполагает метафизику долженствования. Моральный субъект является посредником между миром ценностей как «бытием в возможности» и миром объектов как «бытием в действительности». Метафизическое предназначение человека заключается в возможности нереализации ценностей (добродетелей) или реализации неценностей (пороков). Следовательно, метафизика долженствования необходимо ведет к метафизике пороков.

Ответ на возражение 1.

Возможно ли, согласно Аристотелю, существование таких пороков, которые бы совершались ради них самих (т. е. имели бы под собой определенные принципы)? Отчасти таким пороком может считаться распущенность, которая, согласно Аристотелю, представляет собой стремление к удовольствию ради него самого. «Человек, который ищет излишеств в удовольствиях по сознательному выбору, т. е. ради самих [излишеств], но отнюдь не ради чего-то другого, – такой человек и есть распущенный»⁹.

Следовательно, в какой-то степени можно говорить о «метафизике распущенности».

Ответ на возражение 2.

Невоздержность и зверство (*akrasia* и *thēriotēs*), входящие наряду с пороком (*kakia*) в «триаду дурных нравов», нельзя отнести к собственно порокам. Как пишет Аристотель, ни тот, ни другой склад души нельзя представлять ни тождественным с добродетелью, ни отличным от нее по роду¹⁰. Так, человек невоздержный, по Аристотелю, всего лишь «наполовину порочный» (*hēmiponēros*)¹¹. Что касается зверства, то этот склад души можно было бы назвать «подобием порочности». Зверство и порок подобны отношению «неодушевленного и одушевленного по степени порочности»¹². Оттого и противоположности у всех членов «триады дурных нравов» разные: у порока это добродетель, у невоздержности – воздержность, а у зверства – героическое начало¹³. В этом смысле правильнее было бы говорить не о психологии и антропологии пороков в целом, а о «психологии невоздержности» (страстях души) и «антропологии зверства».

⁸ Гартман Н. Этика. Часть третья: Проблема свободы воли (Метафизика нравов). СПб., 2002. С. 548.

⁹ Аристотель. Никомахова этика. С. 205.

¹⁰ Там же. С. 191.

¹¹ Аристотель. Евдемова этика / Пер. Т.В. Васильевой, Т.А. Миллер, М.А. Солоповой. М., 2011. С. 215.

¹² Аристотель. Никомахова этика. С. 204.

¹³ Там же. С. 91.

Следовательно, метафизика противоположностей «добродетель–порок» должна иметь место в этике Аристотеля.

Ответ на возражение 3. Хотя зло как источник пороков и не является сущностным первоначалом, оно метафизически противостоит добру, пусть и не в абсолютном, но в относительном смысле. Как пишет Фома Аквинский, «когда зло есть лишенность блага, оно противоположно тому благу, которое отчасти потенциально, но отнюдь не высшему благу, которое суть чистая актуальность» (STh. I, q. 49, a. 3).

Следовательно, определенная метафизика зла все же присуща этике Аристотеля.

Список литературы

Аристотель. Большая этика / Пер. Т.А. Миллер // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 295–374.

Аристотель. Евдемова этика / Пер. Т.В. Васильевой, Т.А. Миллер, М.А. Солопова. М.: Канон+, 2011. 408 с.

Аристотель. Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53–294.

Гартман Н. Этика / Пер. А.Б. Глаголева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 707 с.

Кант И. Метафизика нравов / Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн, Ц.Г. Арзаканьян // *Кант И.* Соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 224–543.

Санженатов А.А. Метафизика Аристотеля как основа его этики // *Этич. мысль / Ethical Thought*. 2018. Т. 18. № 1. С. 66–77.

Thomas Aquinas. Summa Theologica: in 6 vols. Romae: Forzani et S., 1894.

Is the “Metaphysics of Vices” Possible in the Ethics of Aristotle?

Vladimir N. Nazarov

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. 125 Lenina Str., Tula, 300026, Russian Federation; e-mail: sophiya@yandex.ru

The main thesis in the article is put in the form of a medieval university debate, it consists in proving that Aristotle’s ethics presuppose “metaphysics of vices”. Three objections are raised against this thesis. The first is that according to Aristotle, “viciousness destroys the principle”, which determines the metaphysical basis of the act. The second is that Aristotle describes depravity on the part of psychological and anthropological deviations, which presupposes an anthropology rather, than a “metaphysics of vices”. And, finally, the third objection is connected with the lack of “metaphysics of evil” in Aristotle’s ethics, as an essential first principle along with good. Then a contradictory proposition is given, indicating the essential interconnection of vices and virtues: if virtues based on principles are correlated with metaphysical values (supreme good, striving for beauty, etc.), then vices must have a certain metaphysical basis. Otherwise, we will have a “bifurcated” ethic consisting of “metaphysics of virtues” and “anthropology of vices”, which contradicts the ethical doctrine of Aristotle.

After that, the answer itself is given, the essence of which is that the metaphysical principle in ethics is not in substantiating the nature and source of negative values (vices), but in the possibility of conscious choice and free preference. This means that moral values (virtues and

vices) are related essentially to free will. The metaphysical principle here is that “a person is not simply burdened with virtue or vice” (N. Hartmann), but he/she is an agent of will expression, presupposing a free choice of one or the other, including intended violation and rejection of the principle of the highest good.

Keywords: the *metaphysics of morals*, “triad” of vicious morals, metaphysics of vices, anthropology of vices, metaphysics of evil, the principle of viciousness, the choice of vices

References

Aristotle. “Bol’shaya etika” [Magna Moralia], trans. by T.A. Miller, in: Aristotle. *Sobranie sochinenii*, 4 t. [Collected Works, 4 vols.], vol. 4. Moscow: Mysl’ Publ., 1984, pp. 295–374. (In Russian)

Aristotle. *Evdemova etika* [Eudamian Ethics], trans. by T. Vasil’eva, T. Miller, M. Solopova. Moscow: “Kanon+” Publ., 2011. 408 pp. (In Russian)

Aristotle. “Nikomakhova etika” [Ethica Nicomachea], trans. by N. Braginskaya, in: Aristotle. *Sobranie sochinenii*, 4 t. [Collected Works, 4 vols.], vol. 4. Moscow: Mysl’ Publ., 1984, pp. 53–294. (In Russian)

Hartmann, N. *Etika* [Ethik], trans. by A.B. Glagolev. St. Petersburg: “VLADIMIR DAL” Publ., 2002. 707 pp. (In Russian)

Kant, I. “Metafizika npravov” [Die Metaphysik der Sitten], trans. by S.J. Sheinman-Topshtein, C.G. Arzakan’jan, in: I. Kant. *Sochinenija*, 8 t. [Works], vol. 6. Moscow: Choro Publ., 1994, pp. 224–543. (In Russian)

Sanzhenakov, A.A. “Metafizika Aristotelya kak osnova ego etiki” [Aristotle’s Metaphysics as Basis of his Ethics], *Eticheskaya mysl’ / Ethical Thought*, 2018, Vol. 18, No. 1, pp. 66–77 (In Russian)

Thomas Aquinas. *Summa Theologica*: in 6 vols. Romae: Forzani et S., 1894.